

Братья / рассказ

Category: Некаýалар, Кітарсу

написано кітарсу | 24 января, 2025

Братья / рассказ БРАТЬЯ

Помню, в детстве мой Васька любил нырять в бочку с толстой яблонево́й ветки. Бочка была металлической, грубо спаянной и изрядно проржавевшей. Поэтому однажды Васька взял отцовские банки с краской и разрисовал ее цветами. Были это маки или ромашки, мне уже не вспомнить. Главное, что потом с работы пришел разъярённый отец и выпорол Ваську, папка хотел ей дом красить, а Вася вскрыл банку неаккуратно: половину в кусты пролил сразу, а другая сама с цветов стекла. Мать потом долго Васю жалела, конфет ему купила, а со мной он делиться не стал. Бочка там простояла еще месяца два до холодов, а потом отец унес ее куда-то. А раньше Васька в нее прыгал так, что половина тут же выливалась, он исчезал секунд на 30, а потом выныривал довольный: «Я достиг самого дна Марианской впадины!». Хорошо, что хоть мама с папой этой его игры не видели, а я им Ваську не сдавал...

Была ночь. В окне опрометью мелькала линия электропередач. Дрожащее стекло в раме, чай, трясущийся в граненом стакане, храпящий дед на верхней полке – все они звучали в такт колесам. Васька заскрипел на соседней полке.

– Не спишь? – прошептал он сипло.

– Не сплю...

– Коль, а ты знаешь, почему колеса стучат?

– Да из-за нашего климата между рельсами помещают такие штуки, термозазоры называются, и когда колёса на них наезжают, то прогибают рельсы и запрыгивают со стуком дальше.

– Не-а! – Васька пытался говорить как можно бодрее, но получалось с трудом. – Это не колеса даже, а сердце поезда... – его некогда переливчатый голос теперь мог играть лишь на двух-трех нотах. Уходит его голос. Скверный признак.

– Так ты же про колеса спросил. Причем здесь сердце?

– Не бери в голову, – он отвернулся к стенке.

В темноте я стал шарить по своему портфелю, достал мобильник. На дисплее 03:30.

– Васьк, помнишь, ты маленький летом меня просил разбудить пораньше, чтобы вместе на крышу залезть и на небо смотреть.

– Что уже мне эти рассветы... – отозвался он, но с усилием отпустил голову в мою сторону, помолчал немного, а потом вдруг спросил:

– А ты в детстве обижался на родителей, что они меня больше любят?

– Да как я мог? У тебя же в детстве были такие кудряшки веселые и щечки толстые.

Он засмеялся и погладил свое лысое темя. Я уже успел привыкнуть, что его смех стал похожим на кашель.

– Хорошее было время... Слушай, а Катька тебе машину не дала, да?

Я молчал. Подстаканник как-то особенно задребезжал, я непроизвольно схватил его вместе со стаканом.

– А?

– Да не дала, не дала... Ты только не подумай, она за меня боится просто.

– Понимаю...

– Не прав ты, Вася. По себе о людях не суди! – вышло грубо.

– Так я ж и говорю – понимаю.

-Ладно, забыли. Расскажи про Таиланд. Где ты там жил, в Паттайе?

– В Районге... Встаешь так часов в 5 утра, берешь пиво из холодильника и идешь вдоль пальм к берегу. А песок там белее, чем Фриске пела, еще не горячий, чуть нагретый. Океан на весь горизонт. Идешь вглубь, а вода все по голень. А после пляжа на обед. На улице лотки, а на них чего только нет: маракуй, кокосы, манго: и персиковое, и желтое. Знаешь, в раю я уже был, теперь и в ад можно... А вы с Катькой где были?

– Мы в заботах были... Не пришлось как-то...

– А до этого Вьетнам был. Но там однажды на рынке меня окликнули: «Васька! Васька!». Так, конечно, «шестерка» какая-то. Но после все же обстановку обновить решил.

Синева за окном постепенно розовела. Кучерявые облака

покрывались красноватой коркой. За травянистым валом виднелись поля.

– Вась?

Простыня поднималась над Васькиной грудью. Заснул. Я вышел в тамбур покурить. Мы проезжали отдельные хилые домики, их становилось все больше и больше, значит, город уже скоро. «Только бы дотянул, только бы дотянул», – думал я. Облака становились все желтее, солнце поднималось над горизонтом.

– Вася, Вася! Солнце встает! – я вбежал в купе.

– У вас брат, кажется, умер, – отозвался дед с полки.- Как то он так что-то...

Простыня на Васе лежала, как пластмассовая. Я бросился за проводницей. На подходе была Сызрань. До Самары мы не доехали всего 200 километров...

Проводница была в своем купе. Правой рукой она подводила губы перед маленьким переносным зеркальцем, а левой – взбивала рыжие кудри а-ля Пугачева.

– Я прошу прощения, у меня умер брат...

Она все крутила в руке губной карандаш и продолжала смотреть на себя в зеркало.

– Номер купе какой?

– Пятое...

– Уже второй за месяц... И почему как умирают, так в мой рейс? – она нехотя поднялась и, виляя бедрами, пошла вслед за мной.

А потом были хмурые, полусонные полицейские. Дед ел курицу на своей полке, а засидевшийся в лейтенантах мужик лет тридцати пяти писал протокол:

– Фамилия, имя?

– Куваев Василий Сергеевич.

– Так. «Кувайов»? Через «и краткий»?

– Да нет. Через «ё»...

– Значит, Куваёв... Цель поездки?

– Мы домой ехали, сдаваться...

– Кому сдаваться? Немцам?– он загоготал, дед на полке тоже засмеялся.

Я вышел в коридор и прижался к стене возле двери. Мимо прошел второй полицай, тощий и конопатый.

– Слушай, – негромко сказал он лейтенанту. – Куваев, Куваев...
Это не Шабер часом?
– Какой Шабер?
– Василий Куваев мой родной брат! – я вернулся в купе. –
Организованная преступная группировка «Курмыши». Вез его,
чтобы он с чистосердечным. Напоследок. У него рак был. Мама
очень повидать его хотела.
«Кур»-«мы»-«ши», – записывал лейтенант, чуть высунув в уголке
рта язык. – Да?
– Да, все верно.
Вдруг лейтенант оживился и ткнул пальцем в окно:
– О! Скорая подъехала!
На перрон шла бригада с носилками.

Об авторе: АЛЛА ВОЙСКАЯ

Алла Войская (Новикова). Родилась в Москве. Студентка
Литературного института им. Горького, семинара прозы и очерка
и публицистики Ф.С.Нагимова. Пишет прозу и литературную
критику. Публиковалась в газете «Литературная Россия». Лауреат
премии «Русское слово» (2017). Некауалар